

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
Дмитрий Силлов. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИЗРАКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН КЛЫКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ДОЛГА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СВОБОДЫ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТРЕЛКА

НОВАЯ ЗОНА

Сергей Недоруб. ЛИЧНОСТЬ КЛИЕНТА
Сергей Клочков. ВРЕМЯ ТУМАНОВ
Евгений Прошкин, Олег Овчинников. КОНТУР БОЛИ
Сергей Слюсаренко. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ
Роман Куликов. ЦЕПЬ СУДЬБЫ
Дмитрий Володихин. ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ
Сергей Недоруб. ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ
Сергей Слюсаренко. КРОМЕШНЫЙ СВЕТ
Сергей Клочков. В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ
Юрий и Татьяна Бурносовы. ТОННЕЛЬНАЯ КРЫСА
Григорий Елисеев. ИГРА ВСЛЕПУЮ
Сергей Недоруб. ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ
Роман Куликов. ПРОЕКТ «МИНОТАВР»
Игорь Недозор. ПЕРВОПРОХОДЦЫ АДА
Светлана Кузнецова. ХОЗЯЕВА МОСКВЫ
Сергей Недоруб. ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ
Игорь Недозор. ТРОПА МЕРТВЫХ
Григорий Елисеев. ВОДЫ РУБИКОНА
Александр и Надежда Навара. ТАКТИКА ГОРОДСКОГО БОЯ
Светлана Кузнецова. ХРУСТАЛЬНАЯ УГРОЗА

ПИТЕРСКАЯ ЗОНА

Виктор Точинов. ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА
Игорь Недозор. ПСЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
Николай Романецкий. БУСТЕР
Николай Романецкий. МЕНТОЛ

РАДИАНТ ПИЛЬМАНА/ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ИГРЫ С ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЯ
Илья Тё. ТОПОТ БЕССМЕРТНЫХ
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. В СПЯЩЕМ РЕЖИМЕ
Андрей Альтанов. ТРОПАМИ ТЕНЕЙ
Сергей Вольнов, Владимир Колчин. ПЛАТА ЗА ВЫХОД
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ИСПЫТАНИЕ СИЛОЙ
Игорь Минаков, Максим Хорсун. БРОДЯГА ДИК
Александр Тюрин. ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ
Александр Щёголев. ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ЗАЛОЖНИКИ НЕБЕС
Сергей Вольнов. ДОЛЖНИК
Андрей Альтанов. ГАЙКИ, ДЕНЬГИ И ПИЛА
Сергей Вольнов. РЕЖИМ ЧЕЛОВЕКА
Сергей Вольнов. ЗА МИГ ДО РАССВЕТА
Виктор Точинов, Александр Щёголев. АНГЕЛЫ АДА

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

СТАЛКЕР

Виктор Точинов
Александр Щеголев

[ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ]
АНГЕЛЫ АДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т64

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление *Э.Э. Кунтыш*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Иллюстрация *А.С. Руденко*

Точинов, Виктор Павлович.

Т64 Третье пришествие. Ангелы ада : [фантастический роман] / Виктор Точинов, Александр Щеголев. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (СТАЛКЕР).

ISBN 978-5-17-103640-9

Он — повзрослевший Питер Пэн, в мире Пётр Панов, аномал-технокинетик, родившийся в Хармонтской Зоне и ребёнком прошедший все Её круги. Бешеный тип, отмороженный на всю голову. Его жена — бывшая Горгона, грозный аномал-суггестор, отвязанная и столь же неуправляемая. Вырвавшись из Хармонта, эта парочка сумела стать своей уже в Питерской Зоне.

Их дети-близнецы, обладающие феноменальными способностями, как выяснилось, интересуют не только военных спецов, делающих из «детей сталкеров» оружие. Близнецов похищают, таинственные похитители растворяются в Зоне. Семейная катастрофа странным образом совпадает с катаклизмом городского масштаба: изрядный кусок Хармонтской Зоны прорывается в Питерскую, наложившись на местные чудеса и диковины.

Сумеет ли разъярённый отец вернуть своих девочек? Всё против него — измена близких людей, интриги соратников. Наконец, сама Зона с её скверной и бесовщиной... Лишь ангелы этого Ада помогут Питеру Пэну пройти назначенный ему путь.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103640-9

© В. Точинов, 2017

© А. Щеголев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Анфисе Вистингаузен
и Ольге Щёголевой посвящается*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

Глава 1

Последний обитаемый остров

Понятно, что заваруха началась на три дня раньше, когда накрыло Невский, но лично по мне шарахнуло в тот момент, когда я готовил Зайку-Мурата к погружению.

Не только по мне шарахнуло, весь наш филиал чуть было не схарчили без соли и перца. И вообще эта пакость зацепила немаленький участок площадью с квадратный километр — между Театральной площадью и Благовещенским мостом. Но разве мог я тогда предположить, что и удар по Невскому проспекту, и нападение на Новую Голландию, и даже наш с Натали легендарный побег десятилетней давности — звенья одной цепи?

В бреду бы не привиделось!

Эх, если б я хоть что-то почуял и вовремя сбежал куда подальше, прихватив семью под мышки... Нет, ничего я тогда не почуял. У доблестного Питера Пэна другие таланты, пропади они пропадом...

Над филиалом стоял туман, привычная разреженная дымка. Туманы для исторического центра Питера — норма, они здесь всегда и всякие, что утром, что днем или ночью, и хорошо, если без подвохов и каверз. Сейчас —

без подвохов. И ветра нет. Голоса тонут в клочьях промозглой ваты. Небо надежно спрятано, Мойку не видно, бывшие пакгаузы вылезают из мышастой хмари кирпичными боками. Но в целом — ориентироваться можно.

Остров Новая Голландия — последний обитаемый остров невской дельты. Последнее жилое место Санкт-Петербурга (места обитания нежити, порожденной Зоной, — не в счет).

Здесь разместился филиал номер семнадцать ЦАЯ, кодовое обозначение «Виварий».

Мне такое обозначение не нравилось, руководителю филиала — тоже, и мы пытались поначалу использовать название «Детский сад» хотя бы неофициально, между своими, — в память о заведении, канувшем в далеком Хармонте. Но не прижилось — иная страна, иной менталитет, иные смыслы и коннотации тех же слов: здесь «детским садом» называют нечто глупое и наивное, затеянное людьми с детским ай-кью... И мы с Эйнштейном смирились с Виварием, привыкли за годы.

Остров хорош тем, что это маленькая крепость. Треугольник суши, отделенный от города речкой Мойкой и двумя каналами, во все века был закрыт и отдан в безраздельное владение военно-морскому флоту. По большей части периметра — глухие зады кирпичных зданий, повернутых лицом внутрь острова. Вдобавок вдоль всех берегов, заросших плотным кустарником, тянется высокий забор. В двадцать первом веке эту историческую территорию ненадолго открыли для туристов, а потом... ну, все знают, что стало с Петербургом потом.

Обособленность Новой Голландии способствует надежной охране от внешних проникновений и, кроме того, позволяет удерживать наших подопечных в границах филиала. Они у нас содержатся особо резвые, попытки побегов — не редкость.

Но главная ценность в другом. Здесь нет опасных ловушек — ни единой! «Сучью прядь» возле арки не счи-

таем, она огорожена и вдобавок приспособлена к делу, приносит пользу. «Сучья прядь» — это «электрическая полоса», кусок земли под напряжением, как будто там высоковольтный провод пробило. Опасное, конечно, место, если по нему шагать. Можно прыгать, лучше на одной ноге. А почему полезная? Благодаря ему остров электрифицирован — это ж дармовый источник электроэнергии, и вечный к тому же. Ток, правда, дает постоянный, без инверторов не обойтись... Что еще? В воде, в одном из углов искусственного водоема, украшающего Новую Голландию, расползся и притаился в ожидании жертвы «кислый ерш» — участок с неньютоновской жидкостью. Его присыпали светоотражающей фольгой, чтобы сдуру кто не плюхнулся... Ну, вот и весь список аномалий. Поразительно безопасное местечко — это в Зоне-то! На всякий случай вертухаи регулярно обходят остров с проверкой — не объявилось ли какой новой дряни, — но пока ничего не меняется.

Все это вместе сделало Новую Голландию идеальным местом для специфических полевых работ...

Едва рассвело, и мы с Зайкой-Муратом стоим на краю Ковша, возле лесенки, спускавшейся до самой воды. Ковш — это и есть внутренний водоем (смешное название пришло из глубины времен, наверное, из-за формы). Топчем ногами полустертую надпись на дощатом настиле: «Купаться запрещено». Вернее, стою я один, а странное человекоподобное существо сгорбилось на стальном ограждении — сидит, как птица на жердочке. Оно полностью готово: раздето до плавок, к поясу, стянувшему талию, пристегнут страховочный трос, на плечах, опять же для подстраховки, надувные нарукавники.

Подопечному предстоит лезть в воду впервые в жизни. Однако он абсолютно не волнуется, откровенно скучает. «Он» — потому что Мурат упрямо, до слез и до драки, считает себя мальчиком, что отчасти справедливо, но наши медики уверяют, что если передумает, а развитие

его продолжится в прежнем русле, то через несколько лет Зайка сможет испытать радости материнства. Естественным путем, без кардинального хирургического вмешательства. Такой вот каприз искореженных Зоной генов...

В общем, генетический казус скучает на оградке, чуть ли не позевывает. Пока лаборант в гидрокостюме проверяет установленные в водоеме приборы, я в который раз толкуюваю Зайке:

— Не бей сразу во всю силу. Нажимай постепенно, договорились?

Существо агрессивно, азартно и крайне беспечно. Трудно управляемо, как всякий звереныш. Одиннадцать лет (возраст зафиксирован точно), выглядит на пару лет старше, а психика малышовая, зато возможности — дай бог взрослому аномалу (или не дай бог). Ну, для того здесь и я, чтобы управляться с такими.

— Н-н-не бойсь, П-пэн, — отзывается он (ладно, пусть будет «он», мне все равно, а существу приятно).

Заикается он сильно, особенно в общении с новыми людьми. Но в сравнении с теми мычащими звуками, что только и умел издавать пару лет назад, — златоуст. Логопеды Вивария свое дело знают.

Потому, собственно, он и Мурат-Зайка: Мурой или Муркой существо прозвали изначально, за попытки избразить имя чем-то вроде коровьего «му-у-у-у». Потом по настойчивым, с истериками и драками, просьбам стал Муратом. А слово «заика» плавно превратилось в Зайку, обычная история. Не любит он свое второе прозвище — девчоночье, дескать, но что тут поделаешь.

— Обещай мне, — требую я.

— Об-б-б-бе...

— Ладно, верю.

Я подмигиваю существу и хочу еще пошутить, чтобы, мол, экономил свои «батарейки».

Тут все и начинается...

Рядом громоздится Бутылка, она же — Арестантская башня. Массивное трехэтажное строение кольцеобразной формы, в котором когда-то была морская тюрьма. Бутылка — тоже прозвище, как и Ковш. Если кто не знает, то известное выражение «не лезть в бутылку» пришло в русский язык отсюда, с этого острова и из этой тюрьмы. Мощные стены камер, прочные двери с засовами и решетки уцелели с давних времен — игодились, теперь за ними живут аномалы, подопечные Вивария, а на первом этаже разместилась часть лабораторного комплекса. Моя Натали сейчас где-то там — на пару с Эйнштейном.

Натали сегодня захотела развеяться и развлечься. Жизнь в деревне для отороженной экстремалки, пусть и повзрослевшей, — тоска смертная, понимаю. Так что стоило Эйнштейну ее поманить, дескать, нужен эксперт по аномалам-суггесторам, она рванула из дому, чуть калитку с петель не снесла.

Эксперт по суггесторам она, скажу по большому секрету, паршивый... Хотя сама суггестор далеко не последний. Но, например, отнюдь не слепые и не слабовидящие считаются лучшими специалистами по зрению. А эксперты по болезням матки зачастую сами вообще не имеют органа, служащего объектом их профессионального интереса. Однако Эйнштейн решил, что с налаживанием контактов и наведением мостов Натали справится лучше всех. Ему видней. И в Виварий мы прибыли вдвоем, оставив близнецов на моего отца — не впервой деду, справится...

Короче. Именно над Бутылкой, то есть над стрелкой острова, где стоит бывшая тюрьма, и разверзлись небеса.

«Разверзлись» — в смысле «открылись». Словечко из романов, его для красоты пишут, чтобы кинуть понты. Так я раньше думал — до сего момента. Невидимый исполинский нож двумя широкими взмахами вспарывает туман над нашими головами, и в сером разломе открывается чистейшая, головокружительная голубизна.

Невиданное дело! Обычно все наоборот: если милостью Зоны и появляется в небе какой-то просвет, он обязательно заволакивается плотной мутью. Облачность в Питере такая низкая, хоть люстры вешай. Облака твердые и грязные на вид, как подошвы ботинок, натуральный потолок этого мира. И вот потолок вскрыт. Туман разрывается с душераздирающим скрежетом, стремительно раздвигается, обнажая ясное июньское небо. От визга, с которым работает гигантский нож, закладывает уши. Техник что-то кричит мне из воды — я не слышу. Ветер вдруг бьет в лицо — коротко и зло. Возникает ослепительное солнце, я бы порадовался ему, если б успел. Кромки расплзшегося серого марева — изумрудно-зеленые, и кусок неба по краям разрыва — тоже зеленый. Становится виден весь остров, вся Новая Голландия — от края до края, от обоих каналов до реки Мойки. По ту сторону Мойки — дома, старые кварталы, за которыми — Театральная площадь. Черная трава на газоне оказывается вдруг резко зеленой, контрастной... Лето во всей красе. Лето, которого в тумане и не видно было. Конец июня...

А потом меня накрывает. Голова вдруг раздувается, как подушка безопасности, — в один миг. Череп как аэростат, наполненный болью, и я бы взлетел, если б не был проткнут бесконечным стеклянным стержнем, упавшим с изумрудного неба. Аэростат лопается, боль разлетается рваными тряпками. Стеклянный стержень — это ось мира. Мир вокруг меня поворачивается, и я падаю. Вижу упавшего рядом Зайку-Мурата, выгнувшегося дугой в непонятных корчах; слышу, как он истошно и непонятно мычит; вижу, как выбегают из Бутылки сотрудники Вивария, как они валятся на траву, скошенные неведомой силой. Кто-то остается на ногах, раскачиваясь и заткнув уши руками, кто-то, присев на корточки, беззвучно визжит. Эйнштейн подхватывает и тащит Натали — спасибо тебе, шеф, не растерялся, объяснил бы ты теперь, что происходит? ЧТО ЭТО?!!

А потом накрывает уже весь наш заповедник уникальных зверюшек, наш остров доктора Моро...

Мир вокруг сминается и комкается, превращается в негатив и так застывает, стекленея, и тут же стекло карябает чудовищная вилка, этот скрип — за пределами человеческих сил, операция без наркоза...

Мы в шутку называли Адмиралтейский канал Адским (после неудачного сокращения в приказе по филиалу: Ад-ский к-л) и Зону за ним — Адом, а себя — ангелами, спускающимися порой с обетованных небес Новой Голландии, чтобы наводить там, в Аду, порядок.

Называли — и накликали... Ад решил нанести ответный визит.

Ворота в Ад распахнулись, и пространство идет изломами, разбивается на миллиарды отражений, вихрятся осколки, радужные зигзаги бьют в искрящуюся землю, отражающую солнце... Это не Ад, наконец понимаю, это Посещение. Настоящее. ОНИ снова снизошли до нас — как три четверти века назад...

Сколько длится безумие, непонятно, часы встали у всех.

— Э-э, ребята! Вот вам еще один Лоскут, — произносит спокойный голос сверху.

Я приподнимаюсь на локте. Рядом стоит Леденец и с любопытством осматривается. Что за фокусы, как он выдержал? Хоть бы хны ему, бодр и невозмутим.

— Лоскут? — вымучиваю я.

— Точно так, — отвечает он мне. — Над Гостинкой было примерно то же самое.

В норме не только Леденец, на ногах вся охрана, ну, практически вся за малым исключением. Обычный персонал тоже кое-как в строю. Выбило прежде всего нас, аномалов, особенно «электромагнетиков» — меня и Натали. У подопытных в их камерах, вероятно, та же картина, но это еще предстоит проверить...

Не знаю, какие тут еще силы начудили, но то, что электромагнитное поле Зоны временно сошло с ума, —

точно. Во всяком случае, импульс был исключительной мощности, то-то мой кочан чуть не разорвало. Или таки разорвало — безо всяких «чуть»? Проверяю. Башка вроде на месте... Зона, тварь поганая, за что же ты не любишь собственных детей?

Поднимаюсь...

Насчет Лоскута — серьезное заявление. Леденец ведь был там, неподалеку от Невского, когда центр города превратился в черт-те что, наблюдал катаклизм своими глазами. Тот феномен принял форму полосы с ровными, как по линейке, границами, потому, собственно, сталкеры и обозвали возникший из ниоткуда участок Лоскутом. Этакая Зона в Зоне. Неужели прав Леденец, и мы здесь получили вторую такую «полосу»?

— Хотя нет, Пэн, — произносит разведчик с сомнением. — Похоже-то оно похоже, да не совсем. Над Невским было страшнее. И масштабнее, что ли. Меня-то краешком накрыло, да и то, знаешь ли, как серпом по Фаберже... А в эпицентре, говорят, невозможно было выдержать. Сталкеры сами себе уши прокалывали... в смысле, не как для пирсинга, а ножом с размаху в барабанную перепонку, чтоб не слышать то, что звучало... Прикинь? Другие слепли, седали буквально за минуту... Не знаю, в общем, может, у нас тут и не Лоскут никакой?

— Разберемся, — вымучиваю я. — Ты, главное, стой где стоишь, не двигайся.

Он не задает дурацких вопросов «отчего?» да «почему?». Он и до моего приказа стоит на месте как приклеенный, шагу не сделал в сторону... Это работает чуйка, сталкерская чуйка, — врожденное инстинктивное чутье на опасность. Чуйке не учатся, тренировками ее не нарабатывают, она либо есть изначально, либо нет ее.

Но сейчас Леденец произошедшего не видит. Чует, что все вокруг изменилось и изменения опасны, — но не видит. Куда ему, обычному человеку, — пусть он и опыт-

ный ходок по Зоне, пусть один из лучших разведчиков Центра Аномальных Явлений.

Леденец ведь чисто питерский сталкер. В ЦАЯ вообще не так уж много универсалов с опытом работы в других Зонах, тем более в изначальных вроде хармонтской. Больше того, если кто-нибудь из здешних и топтал земли, загаженные инопланетянами, это был либо сибирский «торт», либо в лучшем случае чернобыльское криволестье. Где им почуять хармонтские чудеса и диковины? Из всех, кто был сейчас в Новой Голландии, только мы с Натали нюхали Хармонт, да еще, понятное дело, Эйнштейн.

При чем здесь Хармонт, спрашивается? Самому бы мне это уразуметь...

— Всем стоять! — ору я. — Оставаться на местах! А ты куда прешь, идиот?

Опоздал. На остатках газона, тянущегося вдоль Адмиралтейского канала, разлеглась «комариная плешь», я-то ее отлично вижу, но вот солдатик, патрулирующий канал... Выразительно хлюпнуло — и нет солдатика. Вляпался. Только живописная клякса вместо человека...

И это, что самое поразительное, самая натуральная «комариная плешь». Хармонтская, с детства привычная, а не то ее здешнее подобие, что местные сталкеры прозвали «слоновой пятой»... Чудеса.

Остальных произошедшее с патрульным на секунду парализует. Большинство впервые наблюдают воочию, как действует классический гравиконцентрат; ну и ладно, мозги быстрее включатся.

Кроме пары «комариных плешей», я замечаю «стакан» в водоеме, от него поднимаются характерные испарения, едва заметные на фоне бликующей воды. С чем именно «стакан» — с кислотой или с чем похуже, — надо проверять. Еще в тени одного из бывших пакгаузов притаился «тещин язык», а буквально в трех шагах, в про-